

Дорогой читатель!

Разве не замечательное слово – «уиддершинс»? Я наткнулась на него, когда искала сведения о ведьмах (по работе, само собой!). В английском оно означает движение против солнца, против часовой стрелки, – и считается, что это не к добру. Поэтому я и дала героиням своей истории такую фамилию.

Сестры Уиддершинс – Бетти, Флисс и Чарли – при помощи трех волшебных предметов пытаются снять злое семейное проклятие. Но помогут ли эти предметы найти ответы на загадки – или навлекут на сестер новую беду?

Истории о заколдованных предметах завораживали меня, сколько я себя помню, – от «Снежной королевы», где волшебный гребень лишил Герду воспоминаний, до сказки «Ведьма», где девочка застряла в картине. Сама идея, что повседневные вещи обладают скрытой силой, делала магию чуть-чуть ближе. И уж чего-чего, а магии в этой книге хватает. А еще тут есть крыса по имени Прыг-скок, кот по имени Эй и побег из тюрьмы, который идет не по плану!

Надеюсь, что семья Уиддершинс и туманные топи Вороньего Камня захватят твое воображение так же, как мое. Главное – не следуй за блуждающими огоньками...

Волшебного тебе чтения!

Мишель Харрисон

*Посвящается памяти
Элизабет Мэй Харрисон
1943–2017*

*Самой смелой и отважной Бетти
на этой земле*

Пролог

Узница глядела в окно. В высокой каменной башне, куда ее заточили, окон было четыре.

Если не опускать глаза, можно было представить, что далеких тюремных стен не существует и она взирает на мир из какого-нибудь замка или, может быть, с вершины горы.

Но сегодня ее не тешили выдумки, не хотелось фантазировать, что это просто сон или что кто-нибудь придет ей на выручку. Девушка крепко обхватила себя руками, защищаясь от яростного ветра, который хлестал в открытые окна башни. Он нес с собой запах прибрежных морских топей – солоноватый, слегка отдающий рыбой.

Прилив отступил, обнажив илистый берег. Вдалеке чайки клевали выброшенную волной рыбу, торчали пучки высокой прибрежной травы и валялась разбитая лодка. В рот попал завиток длинных золотисто-каштановых волос, разметанных ветром. Узница отвела его в сторону, ощутив на губах привкус соли, и перегнулась через холодный исцарапанный камень – так далеко, как только осмелилась.

Окна не забрали решетками – в этом не было нужды. Высоты башни с лихвой хватало, чтобы пресечь мысли о побеге. Снаружи вечно доно-

силось карканье ворон. Поначалу узница вообразала, что птицы, кружащие возле башни, — ее друзья, которые пытаются развлечь ее беседой.

Порой какая-нибудь ворона садилась на окно и немигающим взглядом смотрела на нее. Ее карканье казалось уже не таким дружелюбным — скорее обвиняющим и насмешливым. «Ведьма! — как будто кричала она, и в ее карканье слышались голоса островитян. — Явилась из топей, сгубила три невинные души!»

Она никому не хотела причинять вреда.

Царапины на камне тянулись через весь подоконник, отмечая срок ее заключения. Один день — одна царапина. Когда-то она могла сказать, сколько их, но уже давно перестала считать.

Она обошла свою круглую камеру, касаясь пальцами стен. На них было еще больше отметин: нацарапанные на камне бранные слова, щербинки в тех местах, где она швырялась в стену предметами. Она откалывала кусочки камня, но это не приближало ее к свободе.

Вчера на небе показалась бледная красная луна, и все ее тюремщики пустились в пересуды. Луна посреди дня всегда считалась плохим знаком, а красная — и подавно. Красная, кровавая луна указывала на то, что где-то творятся злодеяния.

Девушка ощупывала грубый камень, пока не нашла незаметную щель. Она обнаружила ее вскоре после заточения, когда искала под-

ходящую опору для ног, еще надеясь отсюда сбежать. В этой расщелине она хранила осколок камня, пряча его от тюремщиков. Осколок был слишком маленький, чтобы служить оружием, но если бы стражники узнали о нем, то, несомненно, отняли бы.

Она вытащила камешек и сжала в ладони. Собственная рука показалась ей едва знакомой. Кожа, некогда смуглая, испачкалась и посерела, ногти были в щербинах. Держа осколок, словно кусок мела, она нацарапала на стене слово. Всего одно. Имя человека, который ее предал.

Она выводила каждую букву медленно, сосредоточенно, вкладывая в это занятие всю свою злость. Закончив, она разжала пальцы и уронила камешек. В нем теперь не было нужды. Больше она ничего не напишет.

Она посмотрела через пролив на главный остров Вороньего Камня. В полдень внизу будет ждать лодка, и ее отвезут на перекресток. Там прямо сейчас возводят виселицу. Это будет ее первое и последнее путешествие на большой остров. Последнее путешествие куда бы то ни было.

Именно там ее казнят.

Интересно, каково будет стражникам везти предполагаемую ведьму через топи? Ее, конечно, закуют в железо, которое, по общему мнению, лишает ведьм колдовской силы, но даже самому бесстрашному тюремщику будет неуютно в ее присутствии, как только они выйдут

из башни. Особенно под кровавой луной. Она перевела взгляд на топи, туда, где все началось — одной бурной ночью на утлой лодчонке. Туда, где три человека лишились жизни.

— Я никому не хотела причинить вреда, — прошептала она, вцепившись в камень онемелыми пальцами.

Тогда она и правда не хотела никому навредить. Но сейчас все ее мысли были только о мести.

И она свершит месть — даже зная, что это ее не спасет.

ГЛАВА 1 Сладость или гадость

Бетти Уиддершинс узнала о семейном проклятии вечером своего тринадцатого дня рождения. Это число некоторые считали несчастливым, но Бетти была слишком здравомыслящей, чтобы верить в приметы. Ей нравилось думать, что она далека от суеверий и прочей подобной ерунды, — пускай даже они окружали ее с самого рождения.

Была суббота, и в деревенском трактире, где жила Бетти, по обыкновению стоял дым коромыслом. «Потайной карман», издавна принадлежавший семейству Уиддершинс, всегда был самым значным местечком на всем Вороньем Камне. Сейчас трактиром владела ее бабушка, тоже Бетти, — правда, все звали ее Банни, чтобы избежать путаницы. Вместе с ними в трактире жили сестры Бетти — старшая, Фелисити (более известная как

Флисс), и младшая, шестилетняя Шарлотта, которая отзывалась только на имя Чарли.

Так уж вышло, что Бетти угораздило родиться в канун Дня всех святых. И сейчас, когда они с Чарли сбежали по лестнице, хэллоуинские костюмы развевались у них за спиной, словно у могущественных злодеек. Костюм придавал Бетти отваги – и это было весьма кстати, потому что они с Чарли собирались нарушить самый строгий бабушкин запрет. Правда, Чарли об этом еще не знала.

Когда они распахнули двери в зал, Бетти ударил в нос теплый, пахнущий пивом воздух, который проникал сквозь прорези ее маски-черепа. Любимая бабушкина подкова свалилась на пол; Бетти подняла ее и повесила обратно над дверью. Чарли издала самое противное хихиканье, на которое только была способна, и взмахнула своим ведьминским плащом. Схватив из угла бабушкину метлу, она пустилась в пляс среди исцарапанных столов и разномастных стульев. Глаза на лице, выкрашенном зеленой краской, так и сверкали, пока она распевала:

– Сладость или гадость, сладость или гадость... Над болотами туманы, выворачивай карманы!

Она кружилась и подскакивала, словно бесенок, а посетители забавлялись, глядя на нее.

– Чарли, осторожно! – крикнула Бетти, опасаясь, что сестренка подпалит себе плащ. Бетти сама разожгла в зале огонь, после того как они

с Чарли вырезали из тыкв светильники. Она поправила длинный черный плащ и подбежала к бабушке, которая протирала стойку.

– Бабушка, мы пошли, – сказала Бетти, радуясь, что ее лица не видно за маской. Этот вечер она предвкушала много недель, но теперь, когда пришла пора действовать, она сама не могла поверить в собственную дерзость. Бетти надеялась, что бабушка спишет дрожь в ее голосе на радостное волнение, а не на тревогу, которая зудела внутри, словно мошкара.

Бабушка протопала к ним. Она всегда топала, вместо того чтобы просто ходить, захлопывала двери, а не закрывала, и чаще кричала, чем говорила.

– Что, вы нынче попрошайки? – спросила она, отводя с лица седые пряди.

– Ряженные, – поправила Бетти. – Так у всех принято.

Бабушка цокнула языком.

– Не надо мне рассказывать, как у всех принято, я и так знаю. А как по мне, вы идете попрошайничать, хотя могли бы и в трактире помочь.

– Я и так весь день помогала, – буркнула Бетти. Под маской было жарко, лохматые волосы кололи шею. – А у меня день рождения, между прочим!

Бабушка фыркнула. Все Уиддершинс, даже Чарли, должны были помогать в трактире, и день рождения тут погоды не делал.

– Только за околицу не выходите, – наказала бабушка. – Ясно? И чтобы вернулись...

– ...к ужину, – закончила за нее Бетти. – Я знаю.

– Ну так постарайтесь. Чтобы не было как в прошлом году, – сказала бабушка и, смягчившись, добавила:

– Пирог будет вас ждать.

– Ух ты! – воскликнула Чарли, при упоминании пирога прервав свою дикую пляску.

Бабушка отошла на зов посетителя, и Бетти поймала на себя взгляд Флисс.

– Точно не хочешь пойти с нами? – умоляющим тоном спросила Бетти. Они так любили наряжаться втроем на каждый Хэллоуин! – Без тебя будет совсем не то!

Флисс покачала головой, тряхнув темными шелковистыми волосами. На ее очаровательном вздернутом носике виднелось зеленое пятно: осталось с того времени, как она гримировала Чарли.

– Я уже не ребенок. И потом, я нужна здесь.

– А может, ты просто не хочешь пропустить встречу с Уиллом Тернером? – пошутила Бетти. – Или кто там у тебя на этой неделе – Джек Хамбл? Я уже в них запуталась. Кому сегодня перепадет поцелуй от Фелисочки?

Флисс вспыхнула.

– Я же просила меня так не называть!

Бетти закатила глаза и решила, что не скажет сестре о краске на носу. Флисс с самого

своего дня рождения была сама не своя: тихая, порой даже угрюмая, а когда Бетти пыталась узнать, в чем дело, сестра только отмалчивалась.

Флисс с опаской взглянула на бабушку и спросила:

– Бетти, но вы же не выйдете за околицу, верно?

Бетти, невидимая за маской, сглотнула, скрестила пальцы в складках плаща и соврала:

– Да. За околицу не выйдем.

Флисс посмотрела в окно с неопределенным выражением.

– Как бы то ни было, лучше далеко не уходить. Снаружи туман. В такую погоду опасно переправляться через топи.

Она отвернулась, чтобы обслужить задаваку Куинни, постоянную клиентку, которая в нетерпении стучала по столу.

Бетти уставилась ей вслед.

– Туда не ходи, сюда не ходи, – пробормотала она под нос. Что все-таки случилось с Флисс? Конечно, она была такой же тщеславной, как и всегда, и подолгу задумчиво гляделась в старое зеркало с русалочьей оправой, подаренное бабушкой, но всю ее жизнерадостность как ветром сдуло – вместе со свечками на именинном пироге. Теперь она говорила прямо словами бабушки.

Бетти все чаще и чаще воспринимала свою жизнь в «Потайном кармане» как тугий корсет. Бабушка, а теперь и Флисс тянули за шнуры,

сдавливая ее так, что было не вздохнуть. Сегодня Бетти намеревалась оборвать эти шнуры — хотя бы на время.

Она позвала Чарли, которая прервала чью-то партию в домино, чтобы гордо продемонстрировать дырку на месте передних зубов. Сестры направились к выходу, бросая взгляды на знакомые лица — такие знакомые, что Бетти знала их не хуже собственного. Девочки были почти на пороге, когда Чарли наступила Бетти на плащ, запуталась и упала, врезавшись в стол, за которым одиноко сидел парень с кислой физиономией по имени Фингерти. От толчка его напиток выплеснулся из стакана; Фингерти нахмурился и прорычал что-то недружелюбное.

— Простите! — промямлила Бетти и поспешила наружу.

Сквозняк змеей обвился вокруг щиколоток, когда они с Чарли протискивались к двери, минуя скопившихся внутри посетителей. Наконец они выбрались на холодный вечерний воздух. Воздух свободы! Если, конечно, они за несколько минут успеют на паром. Бетти мысленно приободрила себя, дрожа от восторга не меньше, чем от холода. Трепетала она и от волнения. Флисс была права: снаружи клубился туман. Бетти не ждала его — она заранее сверилась с прогнозом. Но она знала, что топи непредсказуемы, а прогнозы иногда врут.

Чарли бежала впереди, размахивая пустым котелком для конфет. Дыхание вырывалась

у нее изо рта белыми облачками. Казалось, холод был ей нипочем. Бетти шагала следом, скользя взглядом по улицам Зеленого Гнездышка. От двери к двери ходило несколько ряженных, и она насчитала пять тыкв со светящимися глазами, выставленных на порог. Но в большинстве домов было темно. Люди не хотели, чтобы их тревожили незнакомцы в масках, — и у них были на то причины. В прошлом году празднование Хэллоуина быстро закончилось, когда зазвонил колокол. Это был сигнал тревоги: звон означал, что за топами зажглись тюремные маяки, возвещая об опасности. Возгласы «Сладость или гадость!» сменились криками: «Заключенные сбежали! Все по домам, запирайте двери!» Сестры помчались в «Потайной карман» и укрылись наверху, прижавшись носами к окну в комнате Бетти. Флисс нервно грызла ногти, Чарли оплакивала недополученные конфеты — а Бетти, взбудораженная, едва не подпрыгивала на месте, втайне надеясь, что беглецов будут ловить еще несколько дней и это хоть как-то разбередит сонный омут Вороньего Камня. Побег совершались редко, и девочки, выросшие в тени тюрьмы, успели забыть о том, как она близко и какую опасность она в себе таит. Они смотрели на улицу и ждали, но никого не увидели, кроме двух тюремщиков с фонарями. К завтраку шумиха сошла на нет: сестры услышали, что злоумышленников поймали в топах. Бетти, которая временами и сама чувствовала

себя пленницей, всегда с интересом слушала истории о побегах. К несчастью, слухи о беглых узниках бабушка использовала как очередной предлог, чтобы не позволять внукам уходить далеко от дома.

Рывком возвращаясь из прошлого в настоящее, Бетти обернулась и взглянула на «Потайной карман». Флисс как-то раз сравнила его с изможденным гоночным голубем: старая черепица и расхлябанные ставни топорщились, словно взъерошенные перья. Он притулился на краю деревни, будто на насесте, и на его побитых непогодой кирпичных стенах были заметны следы минувших лет. Время настойчиво толкало его локтем в бок, и теперь домик крепился влево, словно выпивоха. Из окон лился янтарный свет; на его фоне вырисовывались движущиеся фигуры – и куриные божки и другие амулеты, развешанные бабушкой на счастье. Снаружи никого не было, никто ни о чем не подозревал.

Вот и славно. Мысль о том, что их приведет домой разгневанная бабушка, была одновременно жуткой и унижительной. Конечно, у бабушки был крутой нрав, но больше всего Бетти боялась последствий. Узнай бабушка, что задумала Бетти, она больше никогда бы не отпустила ее на прогулку с Чарли... и всё, никаких тебе приключений. Шнуры корсета затянулись бы еще сильнее, выдавливая из нее жизнь.

Чарли уже успела постучаться в первый дом, распевая: «Сладость или гадость!» Конфеты посыпались к ней в котелок, и она вприпрыжку вернулась к Бетти, разворачивая липкую ириску из местной кондитерской лавки.

— А ты ничего с собой не взяла? Куда же ты будешь складывать конфеты?

— Я лучше у тебя утащу, — ответила Бетти и запустила руку в котел. Она шарила там, пока не нашла свою любимую вафельную зефирку. Бетти засунула ее в рот, прокусила корочку, чтобы добраться до кремовой сердцевины, и почувствовала, как наружу вырвалось облачко сахарной пудры. Они подошли к старой угловатой церкви, и Бетти взглянула на часы. Семь минут. Виски под маской защищало от пота, и сердце забилося как сумасшедшее. «Нас не должны поймать. Только не сейчас, когда мы уже так близко!» Еще раз взглянув через плечо на трактор, она схватила Чарли за рукав и потянула в переулок возле церкви.

— Иди сюда. У меня для тебя сюрприз.

— Сюрприз? — удивленно спросила Чарли, тарашась на нее. — Но ты же сказала бабушке, что мы не выйдем за околицу. Ты сказала...

— Я знаю, что я сказала, — ответила Бетти, подталкивая Чарли перед собой. — Но у нас с тобой будет маленькое приключение, и я хочу, чтобы это осталось нашим секретом. Договорились?

Чарли растянула щербатый рот в озорной улыбке и кивнула, мотнув косичками.

— А что за приключение?

— Мы отправимся в Притопье.

— Галки-нахалки! — огромные зеленые глаза Чарли стали еще больше. — Притопье? Но туда же... туда же надо плыть на пароме!

— Все так. — Бетти похлопала по карману, который оттягивали три монеты. Она неделями копила на переправу — билеты на паром стоили по одному серебряному ворону. В ход шли скромные карманные деньги, выделенные бабушкой, и монетки, которые Бетти иногда находила, подметая пол в трактире. Теперь, раз уж Флисс отказалась с ними идти, денег было с запасом.

— Бетти, но ведь нас поймают!

— Не в этот раз.

— Ты всегда так говоришь, а потом все идет наперекосяк.

Надо признать, Чарли была права, но Бетти так просто было не остановить.

— Я все спланировала. — Она была так уверена в успехе, что даже придумала новый девиз, но решила приберечь это на будущее.

— А если бабушка узнает? — прошептала Чарли одновременно весело и испуганно. — Ух, нам тогда влетит!

— Не узнает, — заверила Бетти. — Почему, ты думаешь, я выбрала именно этот вечер? Все будут ряженные, в масках. Это же идеально! Нас никто не узнает — а значит, и бабушке не сдаст.

– А что там, в Притопье? – спросила Чарли. – Дома выше? Конфет больше?

– Еще лучше, – ответила Бетти, подталкивая Чарли дальше в темный переулок. – Там ярмарка. Там без рук вылавливают яблоки из бочки, и едят куличи, и вручают приз за лучший костюм... и еще там есть сахарная вата!

И приключения, с вызовом добавила она про себя. Ей было неважно, куда бежать, главное – с Вороньего Камня. Притопье было достаточно далеко, чтобы удовлетворить тягу к авантюрам, и достаточно близко, чтобы им за это не влетело. Вот так вот улизнуть в неизведанное – все равно что почесать место, которое зудело всю жизнь.

– Сахарная вата! – выдохнула Чарли. Голосок у нее был тонкий, нежный и слегка шепелявый – из-за выпавших молочных зубов. Она схватила Бетти за руку своей горячей липкой ладонью. – Но это так далеко. А что, если мы не успеем домой к пирогу?

– Успеем, конечно, – сказала Бетти. – Я все продумала. И чтобы кто-то съел мой именинный пирог без меня? Ну уж нет! Но надо торопиться, до парома всего несколько минут.

Они поспешили дальше по переулку и свернули за угол. Под маской Бетти торжествующе улыбалась. Сердце у нее так и стучало. У них получится! Они наконец-то увидят жизнь за пределами Вороньего Камня! И все благодаря ей.

Бетти ослабила завязки плаща на шее, и сестры побежали. Чарли по пути считала светящиеся тыквы и фонари, вырезанные из репы; она заметила тот, что сделала сама, — сейчас он стоял на пороге школы. Девочки бежали по булыжной мостовой, и тыквы сопровождали их — словно духи, указывающие путь в Туманные топи.

Вскоре домов вокруг стало меньше, а потом впереди показался перекресток, и они вообще кончились. Зато в отдалении, за топями, стали видны крошечные желтые окошки тюремных камер — будто глаза, что всматриваются во тьму. Выше горел еще один огонек — на вершине одинокой башни, нависающей над зданием тюрьмы.

Чарли перешла на шаг, и они посторонились, чтобы дать пройти паре людей, спешащих на паром.

— Сколько уже папа там сидит? — спросила она.

— Чарли! — одернула ее Бетти, надеясь, что те двое ничего не услышали. Она понизила голос и ответила: — Два года и восемь месяцев.

Помолчала, перебирая в памяти даты, и добавила:

— И четыре дня.

— А когда он выйдет на свободу?

Бетти вздохнула. При мысли об отце на нее накатили привычные чувства: разочарование, грусть, отчаяние. Его отсутствие, как и смерть мамы, ударили по ним с Флисс сильнее, чем

по Чарли. Даже если Барни Уиддершинс был, по выражению бабушки, жалким никудышним типом, Бетти все равно в каком-то смысле оставалась ему верна. Отец из него был так себе, но другого у них не было.

— Два года, три месяца и двадцать шесть дней, — наконец сказала она.

— Почему ты шепчешь? — спросила Чарли. Ей было всего три года, когда за отцом пришли, и с тех пор они почти не виделись, так что она не могла по нему скучать и спрашивала из чистого любопытства. — Ты сама всегда говоришь Флисс, нечего мущаться из-за того, что он там.

— Смущаться, — поправила Бетти. Живи они в другом месте, она сама ужасно бы этого стыдилась, но почти все, кто поселился рядом с тюрьмой, сделали это потому, что кто-то из их родственников там сидел. — Нет, смущаться не надо. Просто не болтай о наших личных делах, если не хочешь, чтобы нас раскрыли. Никогда ведь не знаешь, кто может подслушивать. А теперь шевелись, паром ждет — вон он, я уже вижу!

— Ага! — Чарли улыбнулась и натянула ведьминскую шляпу ниже на лоб, явно наслаждаясь тем, что они замыслили шалость.

Бетти бежала впереди Чарли и смотрела на тюремные окошки. За каким из них сидит отец? Отсюда было не разобрать. Арестантов часто переводили из одной камеры в другую,

так что, возможно, он уже не там, где был шесть месяцев назад. Тогда бабушка в последний раз брала Бетти и Флисс навестить его. Отец, судя по всему, слишком стыдился своего жалкого положения, чтобы видеться с дочерьми и даже отвечать на их письма.

Бетти сердито смотрела на окошки. Лучше бы он об этом подумал до того, как дал себя сцапать! Она кинула на тюрьму последний гневный взгляд и отвернулась, решив, что не позволит отцу испортить этот вечер – пускай он и испортил все остальное.

Они бегом преодолели последние шаги, оставшиеся до парома. Судя по всему, туман был не таким уж густым: паромщика явно не беспокоила дымка, клубившаяся вокруг лодки. На борту уже собралась горстка людей в костюмах: они явно направлялись на Хэллоуинскую ярмарку. Бетти заплатила за проезд и втиснулась на узкое сиденье рядом с Чарли.

Усевшись, она ликующе посмотрела назад, туда, откуда они пришли. Неужели все действительно получилось? Это оказалось так просто! И все-таки она нетерпеливо постукивала ногой, пока паромщик не оттолкнул лодку от берега и та не заскользила по воде.

– Слава сопутствует смелым! – восторженно прошептала Бетти. Она впервые произнесла вслух свой новый девиз, хотя весь день сгорала от желания это сделать.

Чарли он, похоже, не впечатлил.

– Как думаешь, какого там цвета сахарная вата? – спросила она.

– Может быть, зеленая. Или оранжевая... – начала Бетти и умолкла, глядя на берег. Невдалеке от переправы была гавань. Где-то среди других лодок стояла их собственная – развалюха из гниющего дерева, которую отец выиграл в споре и с тех самых пор безуспешно пытался починить. Может быть, теперь уже никогда и не починит. Бетти в кои веки было все равно. Для приключений ей не нужен был отец с его лодкой. Здесь, на окутанных мглой топях, она была не просто средней сестричкой Уиддершинс: невзрачной по сравнению с хорошенькой Флисс, благоразумной по сравнению с озорной милашкой Чарли. Здесь она была Бетти Отважной, Бетти-Путешественницей! Она могла направиться куда угодно и совершить что угодно!

Все сейчас казалось иным, более зловещим и загадочным, а вдалеке виднелись странные мерцающие огни – словно магические шары парили над водой. Люди называли их блуждающими огоньками. Одни говорили, что это души тех, кто сгинул в топях, другие верили, что это злые духи, пытающиеся сбить странников с пути.

Бетти посмотрела в сторону тюрьмы, мимо которой они вскоре должны были проплыть. Она располагалась на острове Расплаты – одном из трех скалистых островов, возвышающихся над топиями. На втором, более маленьком острове, известном как остров Утраты,

хоронили всех покойников Вороньего Камня. Бетти бывала там всего дважды; в последний раз — вскоре после рождения Чарли, когда умерла мама. Воспоминания до сих пор были свежи, и сердце уколола тоска.

Последний остров назывался островом Невозврата. Жителям с главного острова путь туда был заказан. Остров Невозврата населяли изгнанники — те, кого выпустили из тюрьмы, запретив возвращаться на главный остров, или те, чьи преступления были не настолько серьезны, чтобы караться заключением, и вместо этого наказывались ссылкой.

Все эти места считались частью Вороньего Камня и именовались островами Скорби. Наряду с главным островом они были единственной землей, известной сестрам, — единственной, куда когда-либо ступала их нога.

Сегодня это наконец должно было измениться. Бетти решила, что это будет ее подарок самой себе на день рождения. Шаг навстречу жизни, о которой она мечтала, — жизни, полной возможностей и приключений. Той, где у нее под ногтями будет золотой песок, а не угольная пыль.

Лодка еще не успела далеко отплыть от берега, когда Бетти поняла: что-то происходит. Туманные топи оправдывали свое название. Огоньки тюрьмы исчезли, и теперь перед глазами был только густой, клубящийся серый туман, который обвивался вокруг нее и пробирал до костей. Волосы встали дыбом от страха.

Женщина, сидевшая напротив Бетти, ближе притянула к себе маленького сына и что-то тревожно затараторила.

Чарли дернула сестру за рукав.

— Бетти! А что, если лодка заблудится или мы не найдем обратного пути из Притопья?

Бетти сглотнула. У бабушки всегда были наготове десятки причин, почему девочкам нельзя уходить далеко от дома, и сейчас они роились у Бетти в голове. «Можно не успеть на обратный паром... Лодки сбиваются с курса, натываются на скалы и уходят на дно... Говорят, в тех местах до сих пор скрываются работоторговцы, которые только и ждут, как бы кого-нибудь схватить и продать...» Бетти вдруг перестала казаться себе умной и сильной. Она почувствовала себя глупой. И очень встревоженной.

— Почти ничего не видно! — пожаловалась паромщику женщина с маленьким сыном.

— Угу, — буркнул тот. — Может, сгусток попался особо плотный. Если через минуту не рассеется, придется повернуть назад.

У Чарли задрожала нижняя губа.

— Н-но... как же сахарная вата...

Бетти не ответила, отчаянно стараясь внешне оставаться спокойной — ради сестры. Может быть, бабушка не зря беспокоилась. Может, у нее были причины бояться...

Густой холодный туман с пугающей скоростью окутал лодку, и из воздуха резко ушло все тепло. Это был не отдельный сгусток —

туман заполонил собой всё. Паромщик перестал грести и поднял фонарь. Чарли обхватила Бетти маленькими ручками. Та обняла сестренку за плечи и подняла свободную руку к глазам. Чтобы ее увидеть, пришлось поднести ладонь почти вплотную к носу.

Тяжелый удар сотряс лодку. Она опасно качнулась; пассажиры заохали и закричали.

— Что случилось? — тонким от страха голосом спросила Чарли. Она больно впилась пальчиками в руку сестры.

— Не знаю! — выдохнула Бетти, цепляясь за борт. Холодная вода лизнула ее локоть. — Мы налетели на камень?

— Я хочу домой! — зарыдала Чарли, разом позабыв про сахарную вату.

Лодка снова качнулась, и над девочками нависла знакомая фигура. Пораженная Бетти вскрикнула, когда эта фигура оказалась с ней нос к носу.

— Очень хорошо! — сказала бабушка. — Именно туда мы и направляемся.

ГЛАВА 2 Пленницы

Бетти сидела, не в силах пошевелиться от удивления и стыда. Чарли застыла рядом, сжимая ее руку.

Банни не было в лодке, когда та отчаливала, Бетти была в этом уверена, – но теперь начала сомневаться. Может быть, бабушка замаскировалась? Никак иначе она не взошла бы на борт, оставшись незамеченной... Но почему тогда она позволила лодке отойти от берега? Бесмыслица какая-то.

– Бабушка? – прошептала Бетти. Уже сейчас, продираясь сквозь дебри неверия, она понимала, что это значит. Все мечты о будущей свободе рассыпались прахом, ускользнули, как туман сквозь пальцы. – Как ты... откуда ты взялась?

– Не твоего ума дело, – отозвалась бабушка, бросив на нее сердитый взгляд. Ее можно

было бы принять за сумасшедшую: седые волосы, выбившиеся из пучка, потрепанная шаль, вытертое пальто и резиновые сапоги, которые совершенно ни с чем не сочетались. Вдобавок бабушка захватила уродливую козловую сумку, которую незнамо зачем повсюду за собой таскала. Бетти даже начала радоваться туману: он, в конце концов, скрывал их от любопытных глаз. Ее смелости явно сопутствовали смущение и стыд, а вовсе не слава. Надо будет придумать новый девиз.

– Разворачивайте лодку! – потребовала бабушка. – Мы высаживаемся!

– Я это и пытаюсь сделать, – огрызнулся паромщик, не поднимая взгляда от розы ветров.

Другие пассажиры украдкой косились на них, разглядывая бабушку с таким видом, как будто пытались понять, что это за удивительный костюм на Хэллоуин. Бетти съезжилась.

– Поживее, пожалуйста, – громко повторила бабушка. – Детям тут не место!

– Так вы же их сами привели! – раздраженно откликнулся паромщик. А потом нахмурился. – Хотя, по правде говоря, я не помню, чтобы вы всходили на борт..

– Ерунда какая. Я все это время тут была!

Но это же невозможно, подумала Бетти, совершенно сбитая с толку. Иначе бабушка дала бы о себе знать раньше. Бетти подавила стон. Все ее усилия, все меры предосторожности – всё зря! Она больше не чувствовала себя

великой путешественницей. Сейчас она была просто глупой маленькой девочкой. И, что хуже всего, к ее чувствам примешивалось облегчение. Ведь тогда, в тумане, пока бабушка не объявилась, Бетти было по-настоящему страшно.

— Но ведь тебя тут не было! — прошептала Чарли.

— Ша! — сказала бабушка, сама даже и не думая понижать голос.

Паромщик внимательнее пригляделся к Банни.

— Я видел, как девочки садились в лодку, а вот вас не помню. Да вы же за проезд не заплатили!

— Ну конечно, заплатила, — ледяным тоном сказала бабушка. — Или вы думаете, что я каким-то чудом приплыла сюда прямо в одежде и сухой выбралась на борт? — Она прищурилась. — И не дерзите мне, молодой человек. Я знаю вашего отца!

Похоже, паромщика это взволновало куда сильнее, чем туман.

— Кажется, кто-то попал, — тихо сказала Чарли.

— Это вы попали, — возразила бабушка. — Вот погодите, вернемся домой — узнаете, в какие неприятности вы вляпались. На этот раз всё более чем серьезно.

Бетти сглотнула. Не стоило и пытаться обвести бабушку вокруг пальца. В конце концов, ей никогда еще этого не удавалось. А теперь для них был припасен какой-то неприятный

сюрприз — как будто мало испорченного дня рождения.

— Это ты о чем?

Бабушка не ответила. Вместо этого она сказала еще строже, обращаясь к паромщику:

— Я надеюсь, теперь вы закончите со мной препираться и доставите этих промокших, продрогших людей в безопасное место. Думаю, многим из них будет интересно узнать, почему переправа вообще была открыта, если ожидался туман.

— Но ведь он... не ожидался, — возразил паромщик.

— Значит, вы слишком неопытны для этой работы, — отрезала бабушка. — Или слишком любите деньги. — И она демонстративно отвернулась.

Паромщик оставил попытки с ней спорить и, еще раз бросив взгляд на розу ветров, покорно начал грести. На всем обратном пути никто не проронил ни слова, но Бетти чувствовала, как в бабушке нарастает напряжение. Сейчас она молчала, но, вне всякого сомнения, когда они сойдут на берег, ей будет что сказать. Но и Бетти тоже. Только что случилось нечто невероятное, и ни бабушкин гнев, ни заготовленное ей наказание не помешают Бетти задать вопросы.

Как все-таки бабушка оказалась в лодке? Конечно, у нее всегда была поразительная способность выслеживать девочек, где бы они

ни были. Когда они слишком долго ходили по делам или слишком далеко забредали, отправившись по грибы, они шутили, что бабушка сейчас возьмет их след, как ищейка. Но в том, что произошло сейчас, Бетти не видела никаких поводов для шуток. И никакой логики. Вместо этого она ощущала, как ее постепенно охватывает тревога.

Когда они причалили, Бетти и Чарли дрожали – и от холода, который щипал лодыжки, и от пережитого испуга. Бабушка, напротив, так и пылала гневом. Облачка пара вырывались у нее изо рта, она напоминала огнедышащего дракона. Бабушка заставила их подождать, пока остальные покинут лодку, и только потом они втроем сошли на берег и направились к перелукам, ведущим в «Потайной карман». Бетти оглянулась на Туманные топи. Иногда туман окутывал землю и полз по улицам. Но сегодня он остановился у кромки воды; он завис над топями, словно болотное чудовище, стерегущее свое логово. Когда Бетти уверилась в том, что прочие пассажиры ушли и они остались одни, она заговорила.

– Бабушка, как ты это сделала? Как ты смогла пробраться на лодку мимо нас? Это же невозможно.

– Я была на ней с самого начала, – коротко ответила бабушка. – Но вы были так поглощены своим маленьким приключением, что не заметили меня.

Бетти всмотрелась в ее лицо, пытаясь разгадать его выражение. Она видела только гнев, который обычно отбивал у нее охоту задавать слишком много вопросов или пререкаться. Но сегодня был необычный день. Ее мечты и надежды разбились вдребезги. Ей нечего терять — она выскажет все, о чем думает, даже если это грозит ей дополнительными хлопотами по дому.

— Я тебе не верю. Ты бы не стала так долго ждать, прежде чем с нами заговорить.

— Мне хотелось посмотреть, решитесь ли вы на это взаправду, — отрезала бабушка, но это все равно звучало не слишком убедительно. — Или опомнитесь и повернете назад.

— Опомнимся? — Бетти почувствовала, что у нее горят щеки. Она закипала внутри — или, может быть, ее обожгли бабушкины резкие слова.

— Ты и Чарли с собой взяла. Это глупо и безответственно! Что угодно могло случиться!

— Вот именно, — пробормотала Бетти. Она почувствовала укол стыда, но уже не могла остановиться. — Мы даже могли бы хорошо провести время.

Бабушка, не обратив внимания на ее слова, плотнее закуталась в шаль. И ткнула Бетти пальцем в спину, подталкивая ее вперед по переулку.

— Я думала, что могу положиться на тебя, Бетти Уиддершинс. Думала, что тебе можно доверять. Но, кажется, я ошибалась.

— Это нечестно! — Голос Бетти далеко разнесся в ночи. — Ну ладно, я не должна была убегать втайне от тебя. Но слушай, бабушка, желать свободы, хотя бы чуточку, — это не преступление! И ты знаешь, что я не дала бы Чарли в обиду...

— Да, я знаю, что ты так считаешь, — обрвала ее бабушка. — Но тебе всего тринадцать! Ты ничегошеньки не знаешь о мире. Там полно опасностей, полно таких вещей, о которых ты и понятия не имеешь...

— И не буду, если ты не расскажешь, — теперь Бетти говорила тихо, но с вызовом — насколько ей хватало смелости. Обычно она слишком боялась бабушкиного гнева, чтобы вести такие разговоры, к тому же чувствовала, что они с сестрами и без того слишком сильно ее обременяют, — но всему есть предел. Бетти ждала, что бабушка начнет спорить, что она пустится в обычные отговорки и пообещает свозить девочек куда-нибудь на каникулы. Однако на этот раз бабушка промолчала. Она выглядела очень усталой и даже более старой, чем обычно.

У Бетти комок застрял в горле. В конце концов, именно бабушка заботилась о них с сестрами. Если бы она не взяла их к себе, они попали бы в сиротский приют, или хуже того — их разлучили бы и отправили жить к каким-нибудь незнакомцам. Но Бетти отогнала эту мысль. Благодарность благодарностью, но все же ей нужны ответы.

– Ты говоришь, что больше мне не доверяешь, но разве когда-то доверяла? Ты даже с Вороньего Камня меня никогда не отпускала.

Бабушка тяжело топала по камням мостовой.

– Перестань, Бетти. Сейчас не время и не место.

Она ускорила шаг, одной рукой придерживая шаль, а в другой сжимая сумку. Бетти схватила Чарли за руку и поспешила вслед за бабушкой. Пусть не думает, что от нее можно так легко отделаться!

– Как ты узнала?

– Листовка, – коротко ответила бабушка.

Бетти зажмурилась. Вот ведь досада! Сегодня днем Флисс подняла бумажку, выпавшую у сестры из складок плаща, и нахмурилась.

– Это еще что? Хэллоуинская ярмарка в Притопье?

– Ой, – сказала Бетти, чувствуя, как заколотилось сердце, – я спросила у бабушки, можно ли нам пойти, но она не разрешила, конечно.

– Конечно, – эхом отозвалась Флисс. Она подержала бумажку в руках, как будто не хотела с ней расставаться, – и вернула.

– Значит, это Флисс на нас настучала? – вскипела Бетти. – Или просто положила листовку на видное место, чтобы ты нашла?

Бабушка, не удостоив ее ответом, остановилась, чтобы подтянуть чулок.

– Это большая удача, что вы не слишком тщательно замели следы.